

ВЫШЕ СОРОКА ПЬЕС за сорок лет творческой жизни написал Исидор Шток. Пьес, очень разных по темам, сюжетам и жанрам, характерам и судьбам. Но все они отличаются одним художественным почерком. Мы часто говорим сегодня: театр Погодина, театр Леонова, театр Арбузова... Есть все основания говорить и о театре Штока. И не из-за количества написанных пьес, а именно из-за их внутреннего единства, из-за того, что все они составляют совершенно особый, своеобразный мир, созданный воображением художника. Мир, заселенный им романтиками. Конечно, не одними романтиками. Одним им, вероятно, было бы скучно. Но прежде всего романтиками, которым отдано его писательское сердце.

В послесловии к одному из сборников пьес И. Штока, вышедшему несколько лет назад, критик А. Караганов говорит:

«...все лучшее, что вышло из-под его пера, относится к последним годам: писательская молодость продолжается и после пятидесяти, она находит опору не только в накопленном опыте, но и в нестаром художественном воображении — жизненные наблюдения, «муки творчества», уроки пройденного усиливают писательскую мысль новыми импульсами».

Кто станет спорить с признанием новых творческих импульсов, новых возможностей драматурга!.. Зрелость таланта, зрелость художественной мысли — это ли не высшая похвала!.. И все же я думаю, что лучшее среди созданного Штоком относится к разным годам его творчества, в том числе и к военным, и предвоенным.

В 1940 году была Штоком написана, а в 1941-м, незадолго до войны, поставлена пьеса «Дом № 5». Пьеса о нелегкой судьбе четырнадцатилетнего человека Гани Семушкина. О взрослых людях, которые не дают Гане пропасть, — старой учительнице Лидии Васильевне, прокуроре Каракаше, летчике Новоселове, машинисте Басиллове, дворнике Филине. О дружбе Гани со своей сверстницей Валей, дружбе, которая наполнена предчувствием первой любви.

Снова перечитываешь это произведение, и кажется, что именно из него вышли юные и молодые герои и героини многих сегодняшних пьес. Герои и героини, за внешней бравადой которых, развязным поведением и дурными поступками скрыты, по мнению авторов, чистые сердца и благородные характеры. Да, видимо, из него, утратив, однако, и ту принадлежность своему времени, неотъемлемость от него, которые характеризовали Ганю, и то чистое сердце и благородный характер, которые не просто декларировались Штоком, а естественно раскрывались им в конкретных ганиных помыслах, чувствах, делах.

Немало совершает Ганя того, за что его можно было бы осудить, — учится плохо, портит классный журнал, много врет, даже маленького Ясика чуть в реке не топил... Но ведь никто из окружающих долго не знает о том, что Ганя живет без матери, проявляя при этом заботу и внимание к тяжело больному отцу...

«...прибежит из школы, — рассказывает отец, — сготовит обед, посуду вымоет, за ленарством сбегает, постель постелит, уберет комнату... Пять минут посидит над учебником и над книгой засыпает».

Ганя бы рассказать людям о своей беде, но не может — боится, что тень на мать упадет, которая уехала, оставив сына и мужа, нуждающихся в заботе и поддержке. Признаться бы отцу в том, что учится плохо, но знает Ганя, что при малейшем волнении отец может мгновенно умереть. Вот он и врет, и изворачивается, и плохие свои отметки в классном журнале уничтожает, и, понимая, что беда неизбежна — вот-вот его из школы исключат, — уговаривает Ясика забраться на льдину во время ледохода и дать ему, Гане, возможность спасти его, совершить героический поступок, искупаящий, как ему кажется, все вину. «Ты Папанин, — говорит он, — я — Водопьянов. Оба герои».

Беспокойными людьми, плоть от плоти своей эпохи, населен этот «дом № 5», дом, в котором, как утверждает автор, «довелось жить» и ему. Каковы взрослые — таковы и дети. И Ганя, и вся детвора играют в игры, рожденные их временем — тридцатыми годами. Временем Челюскинской эпопеи, подвигов папанинцев и Коккинали, Стаханова, Бусыгина и Кривоноса, беспосадочных перелетов экипажей Чкалова, Громова, Гризодубовой. Отец Вали, Герой Советского Союза Новоселов, кажется ребятам человеком из легенды, из сказки, ставшей в нашей стране повседневной действительностью...

В том-то и состоит коренное, принципиальное отличие Гани от своих сверстников и сверстниц из многих нынешних пьес, что его недостатки являются, так сказать, если не продолжением, то следствием его достоинств, в то время как принцип контраста между внутренней сутью и внешним поведением при создании образов его сегодняшних ровесников используется авторами чисто умозрительно, никак не реализуясь в поступках, в которых прежде всего и раскрывается характер.

Ганя Семушкин — характер героический, лишенный черт инфантильности, пассивности, ущербности. И когда, после смерти отца, он уговаривает Каракашу взять его к себе, в жизнь, полную тревог и беспокойства, слова: «А если война — я с вами на фронт пойду», — вырываются у него не случайно. Как и взрослые, ощущает он, что живет накануне грозы, и все ближе и ближе придирается военная опасность к границам его Родины...

В подзаголовке пьесы «Дом № 5» значится: драма. Это и в самом деле драма. Оптимистическое, жизнеутверждающее произведение, исполненное глубокого, сильного драматизма. Произведение, за частными судьбами героев которого ощущается жизнь страны и народа. Так же, как ощущается она в «Машеньке» А. Афиногенова, «Славе» В. Гусева, «Парне из нашего города» К. Симонова — пьесах, созданных примерно в то же время. И удивительно, и обидно, что наши театры не вспоминают пьесы Штока сегодня. Как и другие произведения тех лет, она звучит и сейчас свежо, актуально, остроосовременно, может немало способствовать патристическому воспитанию подрастающего поколения.

Качество, которое отличает «Дом № 5», — сплав романтики, иронии и доброты, — характеризует все творчество Штока. Присуще оно и его произведениям военных лет, в частности пьесе «Туман над заливом». Ирония необходима здесь писателю для того, чтобы герои пьесы, совершающие поступки, на первый взгляд, необычные, даже экстравагантные не показались ходульными, выспренними, а порой сентиментальными. Что же касается доброты, то она исконное качество характера самого писателя, его жизненная позиция, точка зрения на жизнь и на людей. Она исконная позиция нашего времени, нашего строя, нашего образа жизни.

Снова предстает перед нами в этой пьесе мир, населенный романтиками. Из восьми героев пьесы — семеро романтиков. Словом, все, за исключением сбитого немецкого аса, трусливо раскрывающего на допросе все известные ему военные тайны... Образом главного героя — морского летчика капитана Егорушкина — И. Шток предугадал образ реального героя войны Алексея Маресьева. Предугадал до того, как о Маресьеве, о его подвиге стало известно. Но такой же романтик — и хмурым, недоверчивым полковник Хомяк. Да, он олицетворение воинского порядка и дисциплины. Но — и отваги, самоотверженности. Сухость и сдержанность его — от огромного чувства ответственности за людей, за безукоризненное выполнение ими своего воинского долга. Романтики — и летчик Ведеркин, и его жена Агата, и жена Егорушкина — Анастасия...

Чувство Родины, идея ее защиты, мысль о завтрашнем дне страны движут всеми поступками этих людей... И как символ воспринимается то, что здесь, в разбитом вражеской авиацией Мурманске, в огне, дыму и крови, зарождается новая жизнь: восемнадцатилетняя дочка Анастасии, падчерица Егорушкина, Саша ждет ребенка, который «будет жить в другом городе» и «над ним будет совсем ясное небо». Ради этого будущего человека, ради нашего завтрашнего дня готовит себя к полетам и вновь поднимается в небо безогонный

тенант Бондарь, успокаивая Татьяну. — Отсидит полуженные десять—двенадцать суток — вот и все наказание! Но суровее всех судит себя сам Сергей — судит за измену памяти отца, доверию окружающих, самому себе:

«Я недостойн моих товарищей, моего Валерки... Я готов и наказанию, да разве в нем дело! Я не был с ними тогда. Там было мое место, а я с ними не был! Для этого я жил, для этого носил форму матроса, и я не был с ними — вот мое наказание. Если бы я мог своей жизнью вернуть их жизни, я бы сделал это. Но я не был с ними...»

Тема становления новой нравственности, новых взаимоотношений между людьми, морального кодекса социалистического общества — это тема и таких пьес Штока, как «Вечное перо», «Ленинградский проспект», «Старая дева». И в этих пьесах также предстает перед нами мир, населенный романтиками. И журналист Ярослав Кленов («Вечное перо»), и старый рабочий Василий Павлович Забродин («Ленинградский проспект»), и Прасковья Дмитриевна — домашняя хозяйка или точнее — домоправительница в семье Потаповых, глава которой Елена Антоновна — крупный общественный деятель («Старая дева»), — все это характеры беспокойные, неуемные, живущие не ради себя, а ради других... И все они также рождены одним суровым и прекрасным временем — временем действия «Дом № 5», эпохой первых пятилеток. И никто из них не повторит знаменитой гамлетовской фразы: «Распалась связь времен». Для них день нынешний вырастает из дня вчерашнего, порождая, в свою очередь, день завтрашний.

Я потому не останавливаюсь сейчас особо на «Ленинградском проспекте», что об этом произведении писали так много и так доброжелательно, как, пожалуй, ни о какой другой пьесе Штока. Но должен тем не менее подчеркнуть, что это одно из самых значительных драматургических произведений последних лет. Пронизанная духом гордости за нашу страну, наш рабочий класс,

портрет писателя

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ РОМАНТИКАМ

Юр. ЗУБКОВ

Егорушкин, каждую ночь переходит линию фронта Сашенькин муж — командир партизанского отряда Валия Сергеев, не раз тонувшая — корабли были торпедированы вражескими подводными лодками, — вновь устремляется в море бесстрашная и упорная Агата Ведеркина...

Образу воина, защищающего Родину, теме солдатского бесстрашия, воспитания мужества посвящает писатель не одну пьесу. Это и «Караван», и созданный после войны, и «Гастелло», написанный в конце сороковых годов, и появившиеся сравнительно недавно «Якорная площадь» и «Объяснение в ненависти».

Снова и снова возвращается Шток в двух последних пьесах к образу молодого человека, призванного стоять на страже не только рубежей социалистического Отечества, но и коммунистической нравственности, новых отношений между людьми в нашем обществе.

И. Шток — прирожденный театральный писатель. Лучшие его пьесы всегда остроконфликтны, насыщены действием, напоминают плотно спрессованную прозу. Исходя из самой повседневности, драматург создает обстоятельства, в которых столкновение противоборствующих сил не только становится неизбежным, но и носит характер до отказа напряженный и яростный.

«Помни войну!» — эти слова выбиты на цоколе памятника адмиралу, что находится в центре Якорной площади. Их можно поставить эпиграфом и к «Якорной площади», и к «Объяснению в ненависти». Но, напоминая о войне, автор имеет в виду не только ужасы, принесенные ею, не только человеческие страдания, жертвы, но и идею высочайшей справедливости, во имя которой шел советский солдат на смерть тогда и которой он призван быть верным до последнего дыхания, до последней капли крови сегодня. Справедливости не отвлеченной, не абстрактной, а выражающей самую суть нашего социального строя, полярную античеловеческой, антинародной сути фашизма. Помни войну! — значит, и сегодня будь верен тем идеям, за которые пали отцы и деды. Будь верен своему солдатскому долгу.

Если в «Объяснении в ненависти» рядовой Василий Воробьев схватывается не на жизнь, а на смерть с теми, кто еще в войну предавал живых, а сегодня, попирая память о мертвых, одновременно пытается извлечь из нее выгоды для себя, — с отчимом своим Курниковым и матерью своей, сошедшей с Курниковым, когда еще ее первый муж был жив, находился на передовой, то в «Якорной площади» старший матрос Сергей Селянин вступает в жестокий нравственный поединок с самим собой, со своим преступком.

Опоздал Сергей из увольнительной — задержался у любимой девушки, ставшей в этот вечер его женой. Кажется, можно понять, простить — не случайная связь у Сергея с Татой, а чувство на всю жизнь... Но подводная лодка, на которой служит Сергей, ушла по учебной тревоге в море. Отказала аппаратура, и погиб Валерий — товарищ Сергея, матрос первого года службы, заменивший его «на посту погружения и всплытия». В гибели Валерки Сергей невинно — особо суровая кара его и не ждет. «Что, его будут расстреливать, четвертовать?! — говорит один из героев пьесы, капитан-лей-

нравственный облик советского человека, пьеса эта породила не один яркий, страстный, по-настоящему партийный спектакль.

Есть среди пьес драматурга и исторические, как, скажем, «Осада Лейдена», есть сказочные, вроде «Божественной комедии» или «Чертовой мельницы», написанных, как и «Грушенька», по мотивам широко известных произведений... Но Шток — писатель глубоко современный, живущий потребностями и запросами своего времени, и сквозь образы героев далеких времен, образы, выписываемые автором исторически достоверно и подробно, проступают черты, роднящие этих людей с нашими современниками.

Говоря о Штоке как о театральном писателе, можно было бы заострить внимание на художественном своеобразии, скажем, таких его пьес, как «Старая дева» или «Божественная комедия», ломающих привычные драматургические рамки, на откровенно, подчеркнуто театральных приемах, используемых автором в этих произведениях... Это было бы и естественно, и справедливо. Однако театральная природа таланта Штока, мне кажется, ни в какой степени не ограничивается моментами чисто формальными. Она шире, значительнее, глубже, связана с самим видением жизни художником. Жизни, где люди беспокойного сердца, перестраивающие и защищающие мир, схватываются с силами, враждебными человеку и человечности. Впрочем, эта мысль подтверждается и самим писателем, когда он говорит:

«Мне кажется, что, увлекаясь формой современной драмы, мы, драматурги, надеемся, что раскрытая и воляная форма, в которой не соблюдено ни единое из аристотелевских единств (времени, места, действия), заменит нам широту содержания».

Можно ли в десятый, в сотый раз повторять ситуацию, встречавшуюся в других пьесах? Конечно, можно. Но только в том случае, если в этой ситуации вы скажете нечто новое, то, что до вас никто не говорил».

Влюбленный в театр, в огни рампы и мир кулис, Исидор Владимирович Шток — и сам романтик, человек чистого, доброго и щедрого сердца.

Чистого, доброго, щедрого!.. Это хочется подчеркнуть особо. Таким я знаю Штока на протяжении более трех десятилетий. Художником, чуждом и групповых пристрастий, и непомерно раздутого самолюбия, самомнения, нетерпимости к любым критическим замечаниям, и — уж тем более! — каких бы то ни было попыток сведения счетов за эти замечания.

«Драматург создан не из железа и пластмассы. Он живой, легко ранимый человек», — говорит Шток. Но только люди «большие, настоящие никогда не избегают критики, на страстный спор не обижаются. Люди поменьше таят злобу. При случае мстят. Разоблачают или высмеивают. Или замалчивают. Такая форма тоже весьма активна».

Так обычно поступают рыцари собственной персоны — и в искусстве, и в других областях жизни. Людям, влюбленным в дело, а не в себя в деле, это не знакомо и чуждо. Взгляд их широк и чист, ясен и доброжелателен... Исидор Шток, как и все любимые его герои, — из этих людей...

Исидор Владимирович ШТОК